

«Мне претила литературная лесть» – цитаты и з неизданной книги об Усмани Азиме

Почему-то читаем лучшие слова о наших великих в многотомных книгах с позолоченным шрифтом и красивыми обложками, когда их уже потеряли. Говорим: «Ах, вот как это было», любим их больше, чем прежде, жалеем, что вовремя не оценили. Но что плохого в том, чтобы говорить наши слова от всего сердца, когда они с нами? Возможно, так мы, наоборот, прибавили бы меньше притворства и неправды в то, что пишем, стесняясь и думая, что предстоит еще встретиться с ними? Самое главное, настоящие признания наверняка окрыли бы нашего героя, добавили бы ему жизни?

По случаю 60-летия со дня рождения народного поэта Узбекистана Усмана Азима был подготовлен сборник высказываний родных, друзей и поклонников, но «воспоминания о живом человеке» некоторым показались странными и остались неопубликованными. Хотя книга и не издана, в каком-то смысле она выполнила свою задачу. Некоторых авторов статей сегодня нет с нами, у них нет и другой возможности сказать о поэте то, что у них на душе было...

**Анвар АБИДЖАН,
Народный поэт Узбекистана**

Поэт с ударными строками

Заканчивались семидесятые годы прошлого века. Я работал в газете Алтыарыкского района и учился на факультете журналистики нынешнего Национального университета. Однажды, когда я приехал в Ташкент сдавать зимние экзамены, мой одноклассник Акрамджан повел меня на встречу со своими друзьями. За исключением моего старого друга Мухаммада Рахмана, это было первое мое застолье с Усманом Азимом, Эркином Азамом, Мурадом Мохаммадом Достом, имена которых я знал только по их произведениям.

Издавна известно, что, когда собираются творческие работники, не обойтись без чтения «ново-написанных», так было и в этот раз. Эркинбай и Мурадджан, говоря, что они прозаики, а я, ссылаясь, что детский поэт, несколько отстранились. Мухаммаджан же прочитал два-три новых стихотворения, и заснул, полулежа, как статуя. Вот тогда оставшемуся одному на бокальной

трибуне Усману Азиму, Бог дал, и он все читал и читал. А мы там чокались в честь каждого стихотворения и слушали, слушали, слушали.

Трудно точно вспомнить, читал ли он двадцать или больше. Все, что помнится, это то, что он все читал на память. Возможно, из-за того, что я плохо запоминал стихи, я был восхищен этим... Какая острота памяти, бойкость языка!.. Вот спасибо твоему отцу!..

Так, кто был в этом кругу, позже стали очень близки. Наши отношения с Усманбеком, который, хотя и выглядел вспыльчивым, но по своей природе был добродушным, становились все более и более теплыми, радуемся встречам, общаемся, хвалим друг друга, подшучиваем...

Я не могу переварить такие слова, как то: Усман Азим поседел, у Усмана Азима родился внук, Усману Азиму исполнилось шестьдесят. В моем воображении Усманбек – все тот же, как меч, молодой человек, пламенный поэт, благородный человек...

Может спросите, нет ли недостатков? Есть! Кто же скажет об этом, если не я? Мой друг очень говорливый. Думаю, теперь он достаточно взрослый, чтобы понять, что лучше много писать, чем много говорить. Вот сейчас, когда он уже степенный, он должен теперь писать горячо, не на компьютере, а, как в молодости, грызя кончик карандаша.

Жизнь моя течет игриво и грузно,
То закрыв глаза, то за горизонт закатываясь.
Пожертвовав душой стихотворению, песне,
Моя жизнь находит радости, что потеряли вы.

Ибрагим ХАККУЛ,
Литературовед